

Михаил КУРАЕВ

ПОДВИГ БЕЗ ДАТЫ

Подвиг — это поступок. Поступок, как правило, сопряженный с серьезным риском, требующий предельного усилия, самоотвержения. Фундаментом такого поступка служат нравственные правила, принятые большинством и уже не требующие доказательств.

Поступок — событие краткое, стало быть, обозначение его во времени не должно составлять труда.

Подвиг, о котором пойдет речь, длился без малого два года, но, несмотря на свою исключительность, в наших календарях никак не отмечен. О нем помнили ленинградцы, в первую очередь, конечно, блокадники, к жителям же нынешнего Санкт-Петербурга о нем доносятся сведения, как правило, с большой примесью вздора, от тех, кто, как говорится, *слышал звон*. Именно поэтому издание в 2015 году, с ничем не объяснимым опозданием книги Никодима Сергеевича Туманова «Ладога. Пять нитей жизни» позволит сохранить для потомков бесценные страницы летописи воюющего Ленинграда, сохранить имена и память о людях, совершивших невозможное.

Впрочем, и это легко заметить, героические страницы истории ленинградской блокады, нынче как бы и не в чести, но также легко увидеть и последствия такой целенаправленной забывчивости.

Вот краткий отрывок из книги, по сути дела, дневника военного инженера Н. С. Туманова:

«Грохот разрывов потряс баржу. Первая серия бомб разорвалась у тральщика. С визгом, прямо на палубу баржи, выбросило стальной трос буксира. Тральщик рванулся вперед. Бомбы осколками пробивали его борт, корезили надстройки, мостики, рубку и пушки... Между разрывами слышался характерный звук коротких очередей. Это строчил пулеметчик Вася из носового пулемета... И вот уже не стало Васи, ни штурмана Иванковского, ни водолаза Садовского. Их убило наповал. Ранило солдат роты связи, мастера. Кровь залила палубу».

Глубокая ледяная осень 1942 года. Ладога. Ночь. Но и ночью немецкие бомбардировщики находят в озере караван, ведущий прокладку электрокабеля по дну. Налет. Люди работают под прикрытием пулеметика на носу баржи да двух скорострельных пушек и пулемета тральщика...

Может показаться странным, но приходится отвечать на вопрос: зачем об этом помнить?

Михаил Николаевич Кураев родился в 1939 году. Окончил театроведческий факультет ЛГТИ им. А. Островского. С 1961-го по 1988 год работал в сценарном отделе киностудии «Ленфильм». По сценариям М. Кураева снято 14 полнометражных фильмов («Сократ», «Господа присяжные...», «Раскол» и др.). Автор 20 книг прозы. Произведения переведены на 12 языков. Лауреат Государственной премии Российской Федерации 1998 года. Живет в Санкт-Петербурге.

В 75-ю годовщину окончания войны страна чествовала победителей. Естественно, военная тема школьных сочинений на аттестат зрелости давала возможность выпускникам высказать свое отношение к событиям Великой Отечественной войны.

Как мне доверительно рассказал педагог, проверявший анонимно представленные сочинения, его повергло в оторопь прочитанное: «Фашисты были, в сущности, неплохие люди...» Вот так, по-домашнему: «неплохие люди»! Условия проведения экзамена исключали возможность публично обсуждать подробности представленных работ. И что тут обсуждать? Более того, нашлись коллеги, убежденно заявившие: «Имеет право на свое мнение». Но «свое мнение» было и у Гитлера, и у Гимmlера, и у Геринга, и миллионы советских людей отдали жизни, опровергая мнение великого множества немцев и их сообщников о превосходстве одной расы над другой, о праве уничтожать народы и государства, о праве крушить города и сжигать деревни вместе с жителями...

Иметь «свое мнение» — не священное ли право человека?!

Вот здесь надо понять, что же такое человек.

Дети, чудом выросшие среди животных, реальные «маугли», научиться разговаривать не могли, имели деформированный позвоночник и предпочитали передвигаться на четвереньках. Наш организм даже не приспособлен к самостоятельному выживанию, плохо оснащен средствами защиты и способностью самостоятельно добывать пищу в первый год-два существования, иногда и до двадцати лет и более.

Людьми мы становимся лишь в человеческом сообществе.

Стало быть, какое сообщество, такими мы и станем. Исключения не в счет. Посчастливится вырасти среди волков — будем бегать на четвереньках и есть сырое мясо, вырастят обезьяны — будем счастливо прыгать с ветки на ветку и радоваться бананам... Если к десяти-двенадцати годам ребенок не овладел речью, его речевой аппарат уже необратимо деформируется...

А в каком же сообществе выросло молодое создание, признающее носителей чело­веконенавистнических идей, совершивших чудовищные преступления, «неплохими людьми»?

Ясно, что, претендуя на аттестат зрелости, выпускник (хочется думать, не выпускница), скорее всего, не имеет представления о том, что такое «фашизм», и каким параметрам должен отвечать «нормальный человек», и всякое ли двуногое прямоходящее может считаться человеком.

Естественно, возникает вопрос: как такое могло случиться в стране, где слова «Блокада», «Бабий Яр», «Хатынь», «Освенцим» полны горечью и непроходящей болью?

Мне кажется, ответ очевиден: память отшибло. Или отшибли.

Есть летопись войны. Она написанная кровью бойцов и потом тех, кто жилы из себя тянул в тылу ради победы. Это страшная трагическая и героическая книга. И слова Ольги Берггольц «Никто не забыт, и ничто не забыто» не утверждение, а призыв! Увы, Ольга Федоровна, на место фактов и имен приходят *мнения и точки зрения*.

Но и в Священном Писании сказано, что и богам не дано бывшее сделать небывшим.

Другое дело — мнения. О, здесь такое просторное поле для спекуляций и препровождения «рака за камень» и наведения светозффектов типа «тень на плетень»!

Мы же видим, как вместо фактов и цифр, вместо подсчета перебитых гитлеровских дивизий на Восточном и всех Западных фронтах последние десятилетия внедряется не история фактов, а «история мнений». Вот на этом «поле чудесных мнений» и вырастают недоросли, едва ли из озорства снисходительно поглядывающие на насильников, убийц, погромщиков, пришедших на нашу землю, чтобы нас уничтожить, а землю объявить своей. Право же — неплохие люди!

Боюсь, что молодому существу, неспособному ориентироваться в понятиях «добро» и «зло», может быть поставлен один диагноз: нравственная дистрофия! Впрочем, такой же диагноз может быть поставлен и тем, кто обещает умереть, на словах, разумеется, за право другого «иметь свое мнение», даже защищая преступления против человечества.

Что можно противопоставить этой укоренившейся в нашей публичной практике демагогии?

Думаю, только одно: сохранение памяти о жертвах и подвиге, говоря прямым словом, советского народа в Великой войне.

Одну из давних своих статей, посвященных истории ленинградской блокады, я назвал «Блокадные весы». На одной чаше — трагедия, жертвы, на другой — подвиг и победа. Последние годы, восполняя неохотно приоткрывавшиеся в советское время (тридцать с лишним лет назад!) трагические страницы войны и блокады, скорбная чаша весов перевешивает героическую. Читаю воспоминания достойнейшего историка, сотрудника Эрмитажа, прожившего в Ленинграде всю блокаду: умирали, умирали, умирали, а потом поехали в Красное Село посмотреть на позиции немецких батарей, обстреливавших город.

А куда немцы-то делись? Ни слова.

Город воевал или только хоронил, хоронил и хоронил погибших? А потом поехали посмотреть?

«Дорогу жизни», подарившую жизнь мне, и маме с братом, и еще сотням тысяч ленинградцев, предлагают со ссылкой на авторитет именовать «дорогой смерти», где машины шли по вмерзшим трупам, «как по шпалам». И «сусальные» слова «Дорога жизни», оказывается, придуманы «впоследствии писателями». Теперь давайте звать ее «дорогой смерти».

Такими вот открытиями угощают сегодня доверчивую публику, не считая нужным вспомнить бойцов 526-й отдельной роты связи Петра Богданова, Павла Краубнера и Льва Шенберга, служивших на ледовой трассе и в конце 1942 года создавших гимн ленинградской победы — «Песню о Ладого».

Мне, живущему с чувством неоплатного долга перед теми, кто страшной ценой подарил мне жизнь, стыдно признаваться в том, как мало я знаю о том, как жил и воевал Ленинград. Знал, конечно, что в блокаду работали заводы, но то, что работали двести из восьмисот крупных предприятий, не знал! О том, что строились аэродромы в кольце блокады, знал, знал про Сосновку, про Гражданку, но то, что их было построено шестнадцать, прочитал лишь в минувшем году.

Немцы до конца блокады не знали о вновь построенном аэродроме Смольный, впоследствии Ковалево. То, что они не знали и ни одна бомба, ни один снаряд на него не упали, прекрасно, но почему я не знал?!

В руках у меня случайно попавшая книга. Издана, считайте, тоже почти случайно, за свой счет дочерью автора в 2015 году.

Обжигающая книга!

Все так или иначе помнят или слышали, что «Дорога жизни» шла не только по льду и по воде, но и под водой. В 1942 году по дну Ладоги был проложен бензопровод, а 7 августа Военный совет Ленфронта принял решение «О прокладке кабеля через Ладожское озеро» от возрожденной Волховской ГЭС в Ленинград.

«Знаем, слышали!»

С этого и начинается беспамятство.

Книга называется «Ладога. Пять нитей жизни». Автор — Никодим Сергеевич Туманов. Издана Татьяной Никодимовной Косауровой (Тумановой). Это лаконичное,

всего двести двадцать страниц, и необыкновенно емкое по содержанию повествование на основе документов и дневниковых записей одного из авторов проекта подводной трассы, участника и руководителя подводных работ капитана-инженера Туманова.

Беспримерная работа! Талант, инженерная интуиция, разумный риск — все было мобилизовано чувством долга. Читая журналы прокладок, графики, дневники, метеосводки, пытаюсь представить себя на месте тех, кто был тогда на Ладоге. Это так же невозможно, как представить себя штурмующим Воронью гору. Сказал: «тогда на Ладоге», но после немыслимой работы на воде и под водой и в шторм, и под огнем немецких самолетов еще два года испытаний («если бы еще эти нити не рвались!»): ремонт кабеля в плавучих льдах, монтажки новых соединительных муфт, гибель товарищей... Два года!

Читающий эту книгу, да много ли их найдется при тираже тысяча экземпляров, сделает множество открытий. Прежде всего, читая историю решения жизненно важной, но лишь одной проблемы, проблемы снабжения блокированного города электричеством, читатель удивится тому, как была организована промышленная деятельность в городе, как работала научно-техническая мысль. Надо думать, существует литература о деятельности промышленности и хозяйственной жизни Ленинграда в дни блокады, может быть, даже научные труды, диссертации, но книга Туманова не только живой рассказ, достоверная хроника от первого лица, она пропитана, как говорится, потом и кровью. В последнем случае интеллигентный и сдержанный по-ленинградски автор полагается на воображение читателя...

Март 1942 года. Самое тяжкое трагическое время, пик смертности. Понемногу нарастающие нормы выдачи продовольствия уже не могут восполнить утраченные силы... А город жил верой в победу, воевал и трудился.

В марте (!) 1942 года в Смольном прошло совещание, на котором по инициативе уполномоченного Ставки Верховного Главнокомандующего Алексея Николаевича Косыгина рассматривалась возможность передачи электроэнергии в Ленинград с Волховской ГЭС через Ладожское озеро. В совещании участвовали представители Ленэнерго, стало быть, организация не прекращала своей работы. Было в Ленэнерго подразделение ЛКС, Ленинградские кабельные сети, ему и поручили найти техническое решение задачи и практически его осуществить.

О том, как провести электропередачу через Ладогу, никто не знал. Кабелем какого напряжения должен быть осуществлен переход? Каким способом? Кто поставит этот кабель? Какие плавсредства и сколько понадобится для работы на озере?.. Все новые и новые вопросы требовали немедленного ответа.

Решался вопрос обороны города и жизни ленинградцев.

В городе был завод «Севкабель», и он работал! Однако кабель напряжением 35 киловольт он мог изготовить (в условиях блокады!) только через полгода, для чего понадобится провести еще и восстановительные работы, наладить выведенное из строя оборудование. А вот кабель напряжением в 10 киловольт можно было изготовить в значительно более короткий срок.

И вот уже в июле 1942 года в Ленэнерго проходит совещание работников Высоковольтной и Кабельной сетей.

Как построить сухопутную часть электропередачи, уже было понятно. Работу надо было провести за два месяца. Трудно в условиях краткости срока и дефицита оборудования, опасно, учитывая налеты вражеской авиации и удары артиллерии, но хотя бы технология была ясна, а вот опыта прокладки подводного десятикиловольтного кабеля не только в СССР, но и за рубежом, как пишет Туманов, не слышали. Задача еще усложнялась тем, что вместо отсутствующего 35-киловольтного кабеля придет-

ся проложить пять ниток по 10 киловольт. И не только пять раз нужно было пройти караванам через озеро в надвигающуюся осень до ледостава, но и дальнейшее обслуживание, обеспечение сохранности и неизбежного ремонта усложнялось в пять раз!

«События властно требовали, — пишет Туманов, — наикратчайших сроков работы и немалого количества плавучих средств, причем находиться в озере эти средства должны были не один день и даже не недели. Да и сама прокладка была очень дерзка по замыслу. Намеченные работы надо было провести за два месяца. Это сулило чрезвычайные трудности, учитывая налеты вражеской авиации и удары артиллерии».

Проектируемая работа требовала свинца более 400 тонн, меди более 350, стали более 400 тонн, олова одну тонну. Для доставки такого количества металла потребовалось бы более 60 вагонов. Где их взять и как доставить?

Предлагались разные схемы монтажа соединительных муфт с плашкоутов, с барж, с плотов, даже с площадок на вбитых в дно сваях...

В конечном счете поиск решения и разработка проекта была поручена капитану-инженеру Н. С. Туманову. И решение было найдено! Не стану пересказывать, как было найдено решение, быть может, куда важнее понять: почему оно было найдено, что двигало этими людьми. Ответ найдем в словах самого Туманова.

«Необходимо было отдать Отечеству свой долг в тяжкий час его истории. Если ты скажешь: „Я не знаю“, — и уйдешь в кусты, и другой уйдет, то кто же станет защищать страну? <...> Хочешь успокоить себя разговорами: другие, мол, больше знают? Но опыт-то, пусть и небольшой, у тебя есть! А если за дело возьмутся люди вовсе несведующие, они наделают ошибок гораздо больше, чем ты. Они же будут учиться на этой работе и, скорее всего, не доведут ее до благополучного конца... И ради этого найти в себе выдержку, терпение, добиться напряжения всех душевных сил. Положение на фронтах трудное, враг рвется к Сталинграду, идут упорные бои и на Невском пятачке...»

В этих словах — формула подвига. И ответ на вопрос, что это за феномен такой — *ленинградец* и почему Ленинград выстоял.

И вот уже «Севкабель» докладывает о том, что из остатков материалов в ближайшем будущем сможет дать 150 километров (!) десятикиловольтного подводного кабеля.

Чугунолитейный завод на Охте принял заказ на литье кожухов соединительных подводных муфт. Одному заводу с таким заданием не справиться. Военный совет Ленфронта обязал завод Ленхладбумпрома, Балтийский судостроительный и Охтинский чугунолитейный (все работали!) изготовить 740 чугунных кожухов. Изделия надо было испытать, и они были испытаны в лабораториях Кабельной сети. Нужен был расчет веса одного погонного метра кабеля в килограммах. Рассчитали! Определили, что вес меди и свинца будет составлять от 48 до 58 процентов общего веса кабеля.

Может быть, это скучная материя, интересная только специалистам? Думаю, что читатель увидит за каждой цифрой, за каждым поворотом этого сюжета труд, напряжение духовных и физических сил изможденных голодом, холодом, обстрелами и бомбежками тысяч ленинградцев.

«Чтобы проложить кабель, необходимо было большое количество рабочих рук. Поэтому на предприятиях Выборгской стороны прошла срочная мобилизация. И вот с заводов „Красный Выборжец“, „имени Ильича“, „Возрождение“, „Радист“ на Ладогу направили почти сто рабочих, в основном это были женщины. <...> Желающих набралось даже больше, чем нужно. На Ладоге-то с продовольствием обстояло дело лучше, чем в самом Ленинграде, понятно, что каждый стремился туда попасть. В Лагере Ленэнерго (на берегу Ладоги в Морье. — М. К.) установилось 3-х разовое питание, причем к обеду выдавали чисты ржаной хлеб нормального состава, а не тот суррогат,

что выпекали блокадных хлебозаводы города... Аварийно-спасательный отряд Краснознаменного Балтийского флота выделил для нас пять водолазных станций и заключил договор с Ленэнерго на прокладку и замывку кабеля в грунт под водой в озере».

23 сентября 1942 года по «первой нитке» свет пошел на заводы, в госпитали, даже в дома.

«Жители смогут на два часа в день включать лампочку. Какое счастье!»

О прокладке подводного кабеля упоминается в разных изданиях, но так небрежно, так поверхностно, в конце концов, оскорбительно по отношению к людям, совершившим невозможное. Так в сборнике «900 героических дней» (М.; Л.: Наука, 1966) читаем: «Через Ладожское озеро проложены пять параллельных цепей подводных кабелей протяженностью около трех километров каждая». Очевидный вздор! Какие три километра?! Откуда и откуда? Но вот другое упоминание уже в книге «Огни седого Волхова» (Г. А. Береснева и Ю. П. Громова): «За 49 дней саперы смонтировали кабель на 600 тонной барже и в одну ночь уложили на Ладожское дно». Что за саперы? Сорок девять дней монтировали и за ночь уложили? Мели, Емеля! Читать неловко.

От Волховской ГЭС через леса и болота 104 километра, и почти 23 километра по ладожскому дну, такая трасса. Но до этого: определить количество материалов, составить смету, рассчитать последовательность всех работ, решить доставку кабеля к озеру и транспортировку по воде, построить баржи с надлежащим оборудованием, найти буксиры, водолазные станции, выбрать место для лагеря на берегу, найти людей... Придумать конструкцию и материалы соединительных муфт для звеньев кабеля. Придумали: свинцовые, 60 килограммов каждая... Один не поднимет.

Про сам кабель многожды упоминали, главным образом, потому, что на гидроизоляции пошла бумага с Гознака, предназначавшаяся для печатания денег.

А теперь представьте эти огромные катушки с кабелем и девушек, молодых женщин, водружающих на заводе эти неподъемные махины на трамвайные платформы. На станции Кушелевка с трамвая на землю, потом на железнодорожные платформы, и уже в Борисовой Гриве опять на землю и к берегу, там на баржи. Самая простая часть работы. Первую нитку начали прокладывать в ночь на 3 сентября. Никто не был уверен, что доживет до утра 4 сентября... Пошли. Штурман Ивановский докладывает: «Напоролись на потопленный немцами паром с паровозами!»

Много на что еще напорются.

На следующий день после того, как энергия Волхова наконец пришла в Ленинград, по неизвестной причине кабель отключился.

24 сентября. «В 15 часов 30 минут со стороны Осиновца на большой скорости в бухту влетела полуторка. Приехавший народ был сильно возбужден. Я стоял на барже, — пишет Туманов, — и наблюдал за работой монтеров. Послышался голос: „Туманова срочно вызывают в Осиновец!“ Бегу, вскакиваю в кузов.

Машина набирает скорость, несется по дороге. Минуем маяк, мчимся дальше. Стоп! Машина останавливается в том месте, где кабель выходит из озера на берег. Там в 30 метрах от шоссе лежит разорванная соединительная муфта... Песок вокруг был разметен взрывом...»

Тяжелая авария. И первый вопрос не как ее ликвидировать, а «кого будем отдавать под суд — Ежова (главный инженер службы Кабельной сети. — М. К.) или Туманова?»

Начальство подумало и решило, что под суд надо отдавать Туманова, непосредственно занимавшегося прокладкой кабеля. Поскольку суд в условиях блокады был преобразован в трибунал, попробуем представить себе состояние Никодима Серге-

евича, давшего вчера спасительную энергию городу, а теперь он должен был давать показания следователю.

«Следователь входил каждое утро в землянку, укладывал чистый лист бумаги на стол и требовал объяснения причин аварии...»

Но прежде чем ответить следователю, нужно было самому понять, что же произошло и почему.

Только высочайший профессионализм, глубокое понимание состояния кабеля, его изоляции и соединительных муфт, свинцовая оболочка которой смонтирована без опрессовки по заводской технологии, все знания и опыт были мобилизованы инженером на поиски ответа. Туманов состояние кабеля в рабочем режиме чувствовал, как врач чувствует пульс больного, будто эта многослойная материя была живым организмом. Как ведет себя пропиточная масса кабеля, «мигрирующая по всей длине» и, доходя до соединительной муфты, постепенно расширяющая ее свинцовую оболочку при нагрузках?..

Читаешь эти технические подробности почти как детектив. Если не будет найден убедительный ответ, рассчитывать на милосердие полевого трибунала не приходится...

Что же произошло? При нормальной нагрузке расширение пропиточной массы идет постепенно, а при перегрузке кабеля критический момент, оказывается, наступает очень быстро, и свинцовая оболочка разрывается внутренним давлением. Вот отчего все произошло! Оказалось, что эксплуатационники на Волхове допустили перегрузку кабеля более чем в полтора раза.

Кабель не выдержал, произошел взрыв.

Нужно было найти и доказать схему механизма аварии. Туманов нашел и доказал. Обвинение было снято. Поврежденная береговая муфта была вырезана и заменена.

В своей хронике беспримерной работы Туманов постоянно вспоминает всех, кого помнит; пусть и с нами останутся имена тех, кто участвовал вместе с ним в ликвидации тяжелой, труднообъяснимой аварии: Асташкин, Бокарев, Дмитриев, Денисов, Давыдов, Рубаник, Чернолысов.

Осенние штормы, потом первый лед и немецкая авиация сопутствовали адовой работе. 3 ноября, за три месяца накоплен опыт, дело пошло! На график работы смотрю, как на нотный стан, как на партитуру:

«4 часа 10 минут. Начало прокладки. Глубина 11 метров.

4 часа 29 минут. Спуск муфты № 27. Удачно! Кабель шел хорошо. Глубина 11 метров.

4 часа 37 минут... Кабель шел хорошо. 4 часа 50 минут... Кабель шел хорошо. 5 часов 03 минуты... Кабель шел...» И вот: «Строп муфты задел за стойку рилинга, строп оборвался, муфта отвесно пошла в воду...» Но это, как сказано в «Книге про бойца», «малый сабантуй», а вот другой: «Кабель шел хорошо, достигли почти тридцатиметровой глубины... И тут налетели бомбардировщики. Восемь штук...»

Именно на этой прокладке 3 ноября в бою погибли пулеметчик Вася, штурман Ивановский, водолаз Садовский. Были ранены солдаты роты связи. Палуба была залита кровью.

Так почему же эта книга, это свидетельство подвига за полвека, не нашла ни в Ленинграде, ни в нынешнем Санкт-Петербурге издателя? Работы были секретными? Чепуха. В списках награжденных, опубликованных в 1943 году в «Ленинградской правде», так и сказано: «за подводные работы», да и какие секреты через семьдесят лет! Книга, напомню, опубликована дочерью Никодима Сергеевича Туманова за свой счет. Семейная история?

«Никто не забыт, ничто не забыто»?

Кто знает, если бы юному созданию, почитающему фашистов за «неплохих людей», случилось взять в руки книгу «Ладога. Пять нитей жизни», хотя бы полистать ее, посмотреть на фотографии барж с циклопическими кабельными бобинами, на утлые буксирчики, на израненного тральщика, пробежаться глазами по страницам с графиками прокладок и взглядеться в прекрасные, мужественные и такие родные лица тех, кто дал свет, поддержал жизнь воюющим в окружении ленинградцам, может быть, сочинение, написанное без единой ошибки, заслужило бы пять баллов. А так сочинение было оценено только на четверку, поскольку причисление фашистов к «неплохим людям» показалось все-таки спорным и не было автором обосновано.

Проложить во фронтовых условиях все пять ниток кабеля — подвиг, но были еще два года его сбережения в условиях боевых действий, его ремонт в плавучих льдах, монтировки новых соединительных муфт, потери и потери товарищей...

Два года!

Какой датой обозначить день, когда по долгу чести и совести надо вспомнить и отдать дань признательности тем, кто жил и не щадил своих сил ради нас, живущих сегодня?